

БЕСЕДЫ, ИНТЕРВЬЮ

DISCUSSIONS AND INTERVIEWS

Александр Сергеевич Соколов: **«...Студенты — та “причина”, которая не даёт расслабиться»**

Аннотация

Во время встречи со студентами Казанской консерватории, состоявшейся в октябре 2019 года, ректор Московской консерватории А. С. Соколов рассказал о новых тенденциях в учёбе и жизни студенчества Московской консерватории. В этом доверительном и откровенном разговоре были затронуты и вопросы организации учебного процесса, и подробности быта и досуга обучающихся. Ректор сообщил о тех проблемах, которые стоят перед Московской консерваторией сегодня: о специфике деятельности разных кафедр, дистанционном обучении, смене поколений преподавательского состава, организации собственного телевидения, особенностях концертной деятельности.

Ключевые слова: Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, А. С. Соколов, студенческая жизнь в консерватории, телевидение Московской консерватории, Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова.

Alexander Sokolov: **«...Students are the «reason» that does not allow us to relax»**

Summary

During a meeting with students of the Kazan Conservatory, A. S. Sokolov spoke about new trends in the study and life of students at the Moscow Conservatory. The meeting touch upon issues related to the organization of the educational process, and the details of life and leisure of students. The rector reported about the problems facing the Moscow Conservatory today: the specifics of the activities of different departments, distance learning, the change of generations of the teaching staff, the organization of its own television, and the specifics of concert activities.

Keywords: Moscow State P. I. Tchaikovsky Conservatory, A. S. Sokolov, student life at the Conservatory, television of the Moscow Conservatory, Kazan State N. Zhiganov Conservatory.

В октябре 2019 года в рамках IV Конгресса Общества теории музыки состоялась творческая встреча студентов Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова с ректором Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, доктором искусствоведения, профессором, заслуженным деятелем искусств РФ Александром Сергеевичем Соколовым.

А. С. Соколова представлял ректор Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова, профессор, народный артист России Рубин Кабирович Абдуллин:

— *Мы благодарим Александра Сергеевича за то, что в тесном графике Конгресса музыковедов он откликнулся на нашу просьбу и нашёл возможность встретиться с коллективом Казанской консерватории, и я надеюсь, что эта встреча принесёт нам много полезного и будет всем интересной.*

А. С. Соколов:

— Мне кажется, наша встреча — это очень приятное дополнение к программе Конгресса, потому что мы уже достаточно втянулись в умные речи, но не только в этом смысл жизни. Очень рад, что сегодня мне было предложено поговорить со студенчеством, причём в основном исполнительских факультетов. Для меня это привычный формат общения, потому что со студентами я встречаюсь постоянно. В основном они говорят о накопившихся проблемах, в которых я стараюсь разобраться, в чём-то тут же и помочь.

Прежде всего расскажу вам, как «кипит» студенческая жизнь в Московской консерватории. За обозримое в пределах одной человеческой жизни время у нас очень многое изменилось — даже появились новые традиции. Я вспоминаю, как когда-то получал диплом Московской консерватории, и много-много лет это происходило именно так: надо было заполнить «бегунок», что ничего не утащил из библиотеки, из спортивного зала, и потом

с этим «бегунком» надо было отправиться в подвал, в отдел кадров, и там получить в обмен на эту справку диплом Московской консерватории. Это было чересчур обыденно, и вот уже на протяжении последних лет так пятнадцати у нас сам процесс организуется совершенно иначе.

Вручение дипломов происходит в Большом зале консерватории, выпускники каждого факультета, поднимаясь на сцену, присоединяются к находящемуся уже там Учёному совету. И после того, как декан вместе с ректором вручают дипломы и соответствующие подарки, которые всегда к этому прилагаются, на сцене уже выстраивается большой хор: все выпускники в конце поют “Gaudeamus” вместе с теми, кто их, собственно, воспитал. Это очень красиво. Так проходит первая половина дня. А вечером — концерт, в котором принимают участие лучшие исполнители из студентов, окончивших в этом году консерваторию. Этому концерту предшествует очень серьёзный и обязывающий отбор: профессура в Большом зале целиком (не фрагментарно!) прослушивает и оценивает программу, которую рекомендует факультет. На выпускных концертах, которые причисляются к самым ярким музыкальным событиям Москвы, всегда бывает аншлаг. Можно сказать, «сливки» Московской консерватории предстают перед публикой.

А в 2019 году у нас был особый случай, потому что это был юбилей — 150-летие первого выпуска Московской консерватории. Мы придумали совершенно замечательную программу: наряду с лучшими выпускниками этого года в концерте приняли участие выпускники разных лет. И причём они поднимались на сцену без объявления всех регалий, просто как «выпускники такого-то года». Ну, допустим, вышли на сцену «бородинцы» — Квартет имени Бородин — каждый из них консерваторец, поэтому объявлялся как выпускник такого-то года.

Мне очень приятно отметить, что наши студенты не потеряли живой нити обще-

ния с наставниками, хотя, казалось бы, сейчас очень много альтернатив — и Интернет, и соцсети. Студенческие инициативы действительно бывают очень интересными, это не просто вброшенная и оставленная идея — часто она вырастает в новую консерваторскую традицию. Сейчас наступил тот момент, когда особенно важно, чтобы такого рода взаимопонимание сохранилось, потому что мы находимся в очень сложной полосе строительства.

В 90-е годы мы не отказались от профсоюзной студенческой организации, хотя в Москве было такое поветрие — убирать и комсомол, и профсоюз, и всё, что осталось от предшествующего времени. Мы её сохранили, и это действительно очень действенный орган, столь же необходимый, как и студсовет. Именно студсовет фактически руководит жизнью в общежитии консерватории.

Раньше у нас общежитие размещалось в одном, построенном в 60-е годы прошлого века, пятиэтажном доме, который своё уже отслужил сполна. Сейчас у нас уже построена одна 15-этажная башня, которая заселена. Рядом встают ещё две такие же. И что самое важное — это стилобатная часть, где будут ещё два зала — концертный и конференц-зал, большой бассейн, для того чтобы можно было проводить даже соревнования, 70 репетиториев, предусмотрен даже подземный паркинг (в том числе для популярных в студенческой среде велосипедов и самокатов). Всё это будет введено в эксплуатацию к началу 2021/22 учебного года, то есть очень скоро. Вот такая у нас идёт активная работа.

Конечно, столь активное строительство влечёт за собой и проблемы. Одна из них — проблема переселения. Принцип «построили — переселили — сломали, построили — переселили — сломали», как это всегда бывает, сопровождается какими-то временными жизненными неудобствами. Но, надо сказать, студенты сами определяют, кого в первую очередь переселить, кого — во вторую, никого не забудут в итоге. Самое важное в студенческой жизни, конечно, — огромный труд по

совершенствованию профессионального мастерства, бесчисленные репетиции. Учиться у нас — огромная честь, но и большая ответственность — выступать на сцене такой исторической и культурной реликвии, как Большой зал Московской консерватории.

Ну вот, такова маленькая преамбула. Если возникли вопросы или желание о чём-то поведать, я буду рад, пожалуйста.

— *Александр Сергеевич, скажите, пожалуйста, в общей сложности сколько лет Вы находитесь на посту ректора Московской консерватории, и когда было труднее — в первый год или сегодня?*

— Трудно всегда. Я десять лет был проректором (это как раз были 90-е годы) и в 2001 году стал ректором консерватории. На это ушло четыре года, потом был период, когда я работал в правительстве министром культуры России. С момента поступления в наш вуз я ни разу не покидал консерваторию, кроме одного года, когда был в армии (я отслужил срочную службу), даже работая министром, продолжал заведовать кафедрой теории музыки, руководил диссертационным советом — это всё было вполне совместимо.

Когда было особенно трудно? Конечно, в самом начале: когда возникает необходимость сориентироваться в хозяйстве, в финансовых вопросах, это требует времени и особой аккуратности. А потом, после министерства, стало проще, потому что я уже изучил «птичий язык» чиновников, уже понимал, как с ними надо разговаривать, чтобы они меня тоже понимали. Соответственно, некоторая регулировка внешней и внутренней политики консерватории стала более доступной. Пришли новые возможности, новые полномочия.

В этот момент (в 2002 году) мы создали Попечительский совет консерватории. Должен сказать, что данная структура — мощнейший инструмент, если им заниматься серьёзно. Просто скажу, кто в разные годы были его почётными председателями, и станет понятным

уровень задач и возможностей этого органа. Первым председателем был Борис Александрович Покровский — знаменитый дирижёр и режиссёр Большого театра. Вторым — до последнего дня своей жизни — был Евгений Максимович Примаков¹ — великий человек. А сейчас это Герман Оскарович Греф², который тоже имеет огромные возможности и в настоящий момент консерватории очень во многом помогает. Членами Попечительского совета являются также представители знаменитых фирм: это и “Yamaha Corporation”, и “Siemens”, и банки (тот же «Сбербанк»), это и политические деятели. Данные взаимодействия сказываются не только на материальных ресурсах, мы получаем возможность сделать заметными свои инициативы и довести их до реализации. Во многом благодаря содействию Попечительского совета мы, например, смогли достойно осуществить проект по реставрации органа — в сложнейшее для страны время.

В ситуации острейшего дефицита финансовых средств мы обратились к нашим друзьям, к руководству «Сбербанка», к Гуцериеву Михаилу Сафарбековичу³ и получили необходимую поддержку.

Так что трудности есть всегда, но они разные.

— *Александр Сергеевич, мы слушали Ваш доклад на открытии конгресса Общества теории музыки, а затем буквально по каждому докладу Вы задавали точные, пронизательные вопросы. Как Вам удаётся сохранять актуальную блестящую музыковедческую форму, занимаясь крышами, подвалами, стройками и прочим?*

— Наибольшее интеллектуальное напряжение испытываю перед своими лекциями. Считаю невозможным допустить, чтобы студенты иронизировали над чем-либо. Можно сказать, что студенты — та «причина», которая не даёт расслабиться. У меня всегда были дипломники, всегда были аспиранты, и они очень часто стимулируют какой-то поиск. Ведь аспирант,

который пишет диссертацию, в рамках своего исследования должен знать больше, чем я. Моя же задача — вписать то, что отыскал молодой учёный, в контекст, которого он не знает. И вот на этом встречном движении как раз возникает, собственно, шаг вперёд.

— *Как ректору головного музыкального вуза страны удаётся следить за всеми новинками, появляющимися в печати, то есть за всеми самыми свежими новостями научной литературы?*

— Понятно, что многое изменилось за последние годы. Раньше, приступая к какой-то научной работе, надо было решить первую задачу, и очень непростую, — добыть материал. А сейчас... Сейчас скорее другая проблема: как не утонуть в этом материале, потому что информации огромное количество, и, надо сказать, далеко не всегда она первосортного качества. Даже на уровне курсовой у молодого человека очень часто возникает разочарование: столько времени потратил, а в сухом остатке-то почти ничего нет. Поэтому навыки должны быть другие. Необходимо сразу понять, что у тебя в руках, уметь просматривать буквально по диагонали обширный блок информации, и тут же вынести вердикт: нужен тебе этот материал или нет. Фактически, это другая методика.

И вторая задача — подняться над этим материалом. Реферирование — это же не конечная стадия работы, это только необходимые подступы к исследованию. Только позже наступают возможность решения самой главной задачи руководителя: вывести студента на некоторые обобщения и аналогии. Я часто говорю студентам: «Надо уметь думать „около“». Когда ты думаешь «около», вдруг сам по себе начинает открываться материал, возникают какие-то связи, ассоциации, которые изнутри не видны. В этом и есть, собственно говоря, смысл научного воспитания.

— *Расскажите, пожалуйста, о количестве студентов, которые учатся в Московской кон-*

серватории, чтобы нам проще было представить масштаб Вашей деятельности.

— Эта статистика достаточно постоянна. У нас 1300 студентов. В основном это бюджетники. Платные студенты у нас есть, но это, в общем, небольшой сегмент, если не иметь в виду иностранцев, у которых обучение платное. Иностранцев у нас тоже где-то примерно 250–270 человек. Общее количество именно такое. Мы принимаем всегда на первый курс 222 человека — это контрольная цифра приёма, помножьте на пять лет обучения, добавьте к этому ещё бакалавриат...

Кстати, о бакалавриате надо тоже сказать особо. В чём Московская консерватория действительно в своё время сыграла значимую роль — это в том, что мы отстаивали специалитет. Это был очень тревожный момент, когда в проектах нового закона об образовании само слово «специалитет» отсутствовало: тогда была установка на Болонский процесс⁴, на двухуровневую систему высшего образования. И главная акция происходила у нас в Петербурге, в рамках Культурного форума: я тогда собрал Совет ректоров (я являюсь председателем Совета ректоров консерваторий и Совета ректоров консерваторий СНГ). Мы все выступили мощным блоком. До собрания Совета только две консерватории — Московская и Петербургская — отказались переходить на двухуровневую систему образования, и это был довольно рискованный демарш. Но когда все объединились в едином «порыве», вот тогда министерству образования пришлось прислушаться к нашему голосу, и в итоге в законе об образовании была прописана уже альтернатива: наряду со специалитетом, который там сохранился, были включены бакалавриат и магистратура. Магистратуру мы не открываем, а бакалавриат сделали, причём в той сфере, в которой он не вторгается в устоявшиеся традиции. Мы не ввели его в академические дисциплины, а открыли там, где возникают новые идеи: допустим, это музыкальный менеджмент, музыкальная журналистика, этномузыкология, — там есть у нас

бакалавриат, который оправдывает себя в таких масштабах.

— Александр Сергеевич, Вы на открытии Конгресса говорили о том, что в Московской консерватории появилось своё телевидение. Поделитесь, пожалуйста, вашим опытом, как оно возникло и насколько активно участвуют студенты в этом процессе?

— Да, с появлением телевидения консерватории началась действительно совершенно новая полоса в нашей жизни. Причём, как возникла эта идея, совершенно понятно: у нас творческая жизнь просто кипит. Достаточно пройтись по коридорам консерватории, хотя бы скользая взглядом по афишам, чтобы убедиться: сколько у нас проводится концертов, лекций, мастер-классов. Особенно отмечу мастер-классы, как важную форму соприкосновения с зарубежными традициями: с одной стороны, это гарантирует некоторое расширение горизонта, с другой — обеспечивает сохранность той системы, которую мы хотим сберечь. Ведь даже в самой хорошей зарубежной консерватории нет такой «генетики», которая есть в российской консерватории. У нас каждый студент знает, не только у кого он учится, но и у кого учился его учитель, — вплоть до XIX века. И это очень важно, потому что западная система контрактов основана совсем на другом: человек приехал, отработал пять лет, попрощался, и никто не знает, кто придет после него, и даже особенно это никого и не интересует. А в Московской консерватории сложилась прочная традиция сохранения профессиональной преемственности. Профессоры, присматриваясь к своим ученикам, начинают их возможности уже как бы проецировать на будущую педагогическую деятельность. Вначале ученик получает возможность проявить себя максимально в должности ассистента. А дальше уже, естественно, вся обычная траектория «полёта»: преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор и так далее.

Такая незыблемая основа, я думаю, должна сохраняться и впредь. В этом отношении ма-

стер-классы очень многое привносят ценного. В консерватории проходят концерты, фестивали, научные диспуты, и далеко не все события запечатлеваются. Фотографии или какие-то надписи в книге отзывов не всегда позволяют судить о масштабе культурных событий. И мы пришли к выводу, что консерватория может и должна создать собственное — подчёркиваю, именно собственное — профессиональное телевидение, чтобы оно соответствовало самым жёстким требованиям современного телевизионного искусства. Опять же благодаря серьёзной поддержке Попечительского совета мы имеем самую современную аппаратуру — 4К⁵ это называется. 4К имеют далеко не все федеральные каналы. Была приглашена очень профессиональная команда режиссёров, операторов, звукотехников, поэтому мы имеем возможность снимать бурную творческую жизнь консерватории. Сегодня у нас создан богатейший архив.

Когда всё это записывается, мы, естественно, должным образом соблюдаем закон об авторском праве. Допустим, у нас провёл пятичасовой мастер-класс для дирижёров Ю. Х. Темирганов⁶ — это материал уникальнейший, и всё это было заснято с разных камер, — потом Юрий Хатуевич нам подписал: «Разрешаю пользоваться Московской консерватории». Ведь тут очень важен и юридический аспект оформления права на трансляцию.

Свидетельством значимой роли телевидения консерватории стал недавний органный концерт в Большом зале — где исполнителями были профессора нашей кафедры органа, приезжал французский органист Маргьери⁷ — член комиссии по реставрации органа. Было приглашено французское посольство. В программе этого интересного концерта был сделан акцент на французскую музыку, поскольку наш орган — инструмент работы Кавайе-Колля⁸. Орган был удостоен Гран-при Всемирной выставки в Париже 1900 года, это для французов своя реликвия. Кстати говоря, орган имеет статус «памятника, находящегося в памятнике», потому что Большой зал консерватории — это также памятник культуры.

Так вот предварял концерт фильм, который мы сами и сделали от начала до конца, назывался он «Симфония органа»⁹. В него вошли те съёмки, которые сопровождали реставрацию. Это совершенно уникальные, исторические съёмки. Музыка к фильму сочинил наш выпускник Денис Писаревский¹⁰, который создал музыкальный ряд в фильме, очень выразительный и весьма информативный. Фильм «Симфония органа» был продемонстрирован на международном фестивале в Выборге «Окно в Европу», сейчас он будет показан на Культурном форуме в Петербурге, и потом посольство Франции планирует показать его во Франции. Вот один продукт нашего творчества. Первый «блин», и отнюдь не комом.

— *Александр Сергеевич, скажите, пожалуйста, сколько лет Вы заведуете кафедрой теории музыки? В чём специфика работы руководителя именно этой кафедры? И чем деятельность вашей кафедры отличается от деятельности других кафедр?*

— Кафедра теории музыки — это, собственно, система разных дисциплин. Не случайно на кафедре есть своего рода предметные подразделения: есть секция сольфеджио, секция полифонии, секция инструментовки, секция анализа. Они фактически берут на себя некоторую подготовительную работу, для того чтобы уже потом кафедра интегрировала все эти поиски в какую-то общую свою позицию, политику, оценку, поскольку кафедра даёт первые рекомендации к публикации, а также первые рекомендации к выходу на защиту диссертаций.

На кафедре есть традиции. Например, у нас, может быть, даже раньше, чем у других, была реализована междисциплинарная платформа. Это было в основном заслугой Евгения Владимировича Назайкинского, именно он говорил, что в теоретических дисциплинах университетский уровень должен быть каким-то мериллом, в том числе и в вопросах «ремесленных». Он своей деятельностью междисциплинарную широту в отечественное музыковедение

привнёс, и этот подход у нас сохраняется. Выходы «вовне», в широкую область гуманитарных знаний, демонстрируются и сегодняшним конгрессом.

Само Общество теории музыки родилось в Московской консерватории, собственно, на основе кафедры теории музыки. Сразу же мы пригласили своих друзей из Гнесинской академии, из других консерваторий. Общество сегодня и олицетворяет естественную возможность интеграции.

— *И на посту ректора, и в должности заведующего кафедрой один из самых сложных вопросов — кадровый. Как известно, есть ветераны (человек не выбирает, сколько ему жить и сколько ему работать), и есть молодые. Слава богу, сейчас уже директива обновления, омоложения коллектива не работает, но всё-таки возрастной баланс как-то нужно сохранять, чтобы рабочую форму имел коллектив. Как Вы решаете подобные вопросы?*

— Кадровые вопросы решает, прежде всего, кафедра, и каждая кафедра понимает свою ответственность за то, чтобы не прервалась эта ниточка преемственности традиций. Я уже упомянул один такой приём — это почасовая работа в статусе ассистента. Я уверен, что будущее Московской консерватории вызревает сегодня. Допустим, как к преподаванию в консерватории пришёл пианист Коля Луганский, ныне профессор, народный артист России? Он, конечно, совершенно поразительный музыкант, настоящий, истинный интеллигент и при этом гастролирующий по всему миру. Он как раз показывает, как можно умело сочетать разные стороны деятельности. Давид Фёдорович Ойстрах, который тоже был музыкантом мира, но, когда он приезжал, — весь был в консерватории. И у него работали ассистенты, которые в этом отношении тоже были на уровне. Достаточно сказать, что ассистентом Ойстраха был Пётр Бондаренко, профессор Гнесинской академии. О чём это говорит? Во-первых, о его собственном этическом уровне. Ему не стыд-

но было быть ассистентом Ойстраха, и при этом он привносил очень много в работу кафедры Ойстраха, будучи уже «хозяином» своей собственной кафедры. И это тоже есть у нас. Вовлекая в педагогический процесс таких мастеров, как Луганский, естественно, мы очень хорошо понимаем их востребованность в мировом концертном пространстве.

Что касается старшего поколения, у нас никогда не бывает, чтобы из-за возраста кого-то попросили на пенсию. Есть масса возможностей учесть реальные какие-то физические кондиции человека, то есть можно сократить нагрузку, можно компенсировать в деньгах то, что у него сокращается нагрузка, — это наше право. Я не буду называть фамилии, разумеется, но в консерватории распространено явление, когда профессор работает, допустим, на четверть ставки и получает нашу материальную поддержку, позволяющую ему обеспечить жизненные потребности. Для нас крайне ценна непосредственная включённость опытных профессоров в учебный процесс.

Консерватория хорошо зарабатывает, и поддержать конкретного человека, который уже заслужил эту поддержку, — это, конечно, наша обязанность.

— *Александр Сергеевич, как Вы относитесь к перспективе развития дистанционного образования в исполнительском искусстве, так как это, в общем-то, во всей системе нарастающий тренд?*

— К распространению дистанционного образования в музыкальном вузе надо относиться очень аккуратно. Оно ни в коем случае не должно стать альтернативой. Это не альтернатива. Это некоторый дополнительный ресурс, которым можно воспользоваться.

Приведу пример. Мы очень активно взаимодействуем с Китаем, причём это взаимодействие интересно для меня именно новыми формами контактов. В чём они заключаются? Мы сами хотим на месте обеспечить подготовку достойных абитуриентов, включая и знание рус-

ского языка. То есть языку надо учить там, а не здесь. Часто, когда приезжает, допустим, даже самый талантливый человек, мы его принимаем, и первый год у него уходит на малопродуктивное вхождение в русскоязычную среду. Особенности сложности связаны прежде всего с теоретическими дисциплинами. По специальности контакт быстрее налаживается и трудности общения быстрее преодолеваются. А ведь ему надо ещё освоить множество профильных предметов. И вот чтобы не было такой «профанации» нашего консерваторского системного образования, китайский студент должен разговаривать по-русски. Сейчас в Китае это очень хорошо понимают: вместе с нами они создают специальные центры подготовки, и мы обеспечиваем подобные центры теми методическими материалами, которые уже вводят их в ритм консерваторской жизни, в её атмосферу.

Эту форму обучения я тоже отношу к дистанционной, потому что наши педагоги в Китае работают своего рода вахтовым методом: приехал, проверил, уехал обратно. Эти поездки краткие, но они создают необходимую платформу для возможности полноценного обучения в консерватории. Подчёркиваю, что опять же, это только подступы, которые могут рассматриваться как преддверие настоящей консерваторской жизни.

— *Уважаемый Александр Сергеевич, расскажите о кафедре духовых инструментов.*

— Есть у духовиков, конечно, определённая проблема, всем известная, — это дефицитные специальности. Уже на приёмных экзаменах одна и та же ситуация наблюдается из года в год: флейтистов очень много, фаготистов — по пальцам одной руки пересчитать, а иногда и просто катастрофа. У нас был год, когда ни одной валторны не было. Не то что не приняли, а «не пришла» ни одна валторна. Это в Московскую консерваторию (!), можно представить, что испытывают коллеги из других музыкальных вузов. Безусловно, эта проблема задаётся средним звеном. Во многом острота проблемы связана

с тем, что купить дорогой инструмент (тот же фагот, допустим) для родителей учащихся школ или колледжей, наверное, это подвиг.

Следствие данной проблемы — дефицит духовых при комплектовании оркестров. Кстати, в волжских городах, я знаю, эта проблема очень остро стоит, и даже в таких центрах, как Самара, как Саратов.

Но мы стараемся решить проблему. В консерватории уже проведено, по-моему, 12 ежегодных международных конкурсов, которые формируются по принципу такой ротации: более распространённый инструмент и более редкий инструмент — ну, допустим, флейта и туба. Таким образом мы имеем возможность выявлять талантливых музыкантов, которых мы начинаем поддерживать. Причём исполнительскому конкурсу сопутствует композиторский конкурс для данных инструментов, что также является важным фактором поддержки редких специальностей.

— *Александр Сергеевич, Вы сказали, что в Московской консерватории четыре концертных зала. Скажите, пожалуйста, по какому принципу строятся концертные программы?*

— Это совсем разные залы. Во-первых, они разные по вместимости: Большой — это более 1700 мест, Малый зал — 470, Рахманиновский зал — 250 и зал Мясковского — 70. По вместимости залов уже понятно, что тут могут быть представлены разные жанры и разные исполнительские составы. Органы находятся в двух залах — в Большом и в Малом, также установлен небольшой орган в зале Мясковского. Это даёт дополнительные возможности варьировать программы.

Сравнительно недавно мы ввели практику открытых репетиций, и она очень привилась. Мы заранее договариваемся с исполнителями, что в день концерта репетиция — то, что называется «акустической репетицией», — делается открытой. Чаще всего это высочайшего уровня концерты: допустим, концерты Владимира Юровского с оркестром, концерты Тео-

дора Курентзиса с его коллективом. Этот ряд можно было бы продолжать.

И ещё одна такая новинка — музыкальная демонстрация фильмов в Большом зале консерватории. Можно сказать, что мы воскресили некоторую давно забытую традицию. В 20–30-е годы прошлого века в Большом зале консерватории был кинотеатр «Колосс», и вот эта кинематографическая история восстановилась, но совсем в другом виде. На сцене симфонический оркестр, над сценой большой экран, на котором демонстрируется фильм из классики кинематографа. У нас уже прошли «Александр Невский» и «Иван Грозный» Эйзенштейна, изумительный фильм «Артист»¹¹. Всё под живой оркестр... У нас таким образом были показаны все классические диснеевские мультфильмы. Причём в этих концертах, программы которых стали очень привлекательными, задействованы не только консерваторские оркестры.

— *Вы работаете в кабинете, в котором сидели Сергей Иванович Танеев, Александр Васильевич Свешников, — этот груз ответственности мешает или помогает?*

— Помогает, конечно. Помогает. Он настраивает на дух ответственности. В том числе и тех, кто входит в этот кабинет со мной разговаривать.

— *Вы руководите вузом с богатейшими традициями. За полтора вековую историю консерватория приобрела высочайший авторитет в мире. С самого момента основания вашей консерватории было много трудностей, сомасштабных грандиозности осуществляемых проектов. Трудности переживали все ректоры, достаточно вспомнить начало истории: когда консерватория создавалась, было столько же сторонников, сколько и противников её открытия. Вот если бы представить себе, Вы встречаете Николая Григорьевича Рубинштейна: о чём бы Вы его спросили, 150 лет спустя?..*

— Я бы, наверное, сказал: «Могли бы мы побеседовать наедине, чтобы об этом никто не узнал?».

— *Спасибо всем за внимание.*

***Материал подготовили:
А. А. Амрахова, Т. Б. Сиднева***

Примечания

- ¹ Евгений Максимович Примаков (1929–2015) — советский и российский государственный деятель, занимавший в эпоху новой России высшие должности в различных институтах государственной власти. — *Прим. ред.*
- ² Герман Оскарович Греф (р. 1964) — российский государственный деятель, в 2000–2007 годах — министр экономического развития и торговли, с 2007 — президент и председатель правления ПАО «Сбербанк», активный деятель различных попечительских организаций и коммерческих проектов. — *Прим. ред.*
- ³ Микаил (Михаил) Сафарбекович Гуцериев (р. 1958) — крупный российский предприниматель, поэт (член Союза писателей России), куратор множества промышленных, торговых и финансовых учреждений и проектов в России и за рубежом. — *Прим. ред.*
- ⁴ Болонский процесс — международный процесс по унификации систем образования. Россия подписала документы о вхождении в этот процесс в 2003 году.
- ⁵ 4К — краткое обозначение стандарта разрешения для цифровой видеоаппаратуры, дающей изображение с шириной примерно в 4 килопикселя (то есть 4000 точек на дюйм); применяется в системе телевидения сверхвысокой чёткости (в России используется пока только в системе платного цифрового телевидения). — *Прим. ред.*
- ⁶ Юрий Хатуевич Темирканов (р. 1938) — советский и российский дирижёр, народный артист СССР (1981).
- ⁷ Габриэль Маргьери (*Gabriel Marghieri*, р. 1964) — французский органист, лауреат международных органичных конкурсов, в настоящее время — преподаватель консерваторий в Лионе и Париже, штатный органист базилики Сакре-Кёр в Париже.
- ⁸ Аристид Кавайе-Колль (*Aristide Cavallé-Coll*, 1811–1899) — крупнейший французский органичный мастер XIX века.
- ⁹ Режиссёр и автор сценария этого фильма — музыковед и журналист Сергей Уваров. Соавтор сценария, научный консультант — главный «хранитель» органа Большого зала Московской консерватории Наталья Владимировна Малина. Закадровый текст — заведующий кафедрой истории зарубежной музыки Московской консерватории, профессор Михаил Александрович Сапонов.
- ¹⁰ Денис Александрович Писаревский (р. 1993) — российский композитор и органист, член молодёжного отделения Союза композиторов РФ.
- ¹¹ «Артист» (2011) — немой чёрно-белый фильм Мишеля Хазанавичуса об актёрах Голливуда.